

ТАТАРЫ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На долгом пути становления цивилизованных межконфессиональных отношений в России важную роль сыграла работа Уложенной комиссии в 1767-1768 годах. Как известно, эта комиссия не решила стоявшую перед ней задачу, связанную с созданием нового свода законов. Однако в межконфессиональных вопросах ситуация оказалась иной. На общих собраниях этой комиссии впервые в истории России публично обсуждалось положение религий и выработывались рекомендации для удовлетворения религиозных потребностей российских народов в тесной связи с их социально-экономическими нуждами. Один из значимых итогов видится в том, что по сути дела была заложена законодательная база для признания ислама как терпимой веры.

Деятельность Уложенной комиссии в русской дореволюционной историографии отражена достаточно основательно. В разных изданиях, главным образом в «Сборнике Русского исторического общества» были опубликованы основные материалы – указы, протоколы заседаний Большой комиссии, состав делегатов. Что касается советских исследователей, то данный сюжет не привлекал их особого внимания, за исключением С.Ф.Ташкина, хотя некоторые проблемы деятельности Уложенной комиссии получили освещение в коллективных монографиях, работах биографического плана о Екатерине II. Настоящая публикация представляет собой попытку восполнить образовавшийся историографический пробел на основе обращения к материалам Уложенной комиссии в контексте проблемы межконфессиональных отношений.

Положение конфессий в России и в начале второй половины XVIII века продолжало оставаться неравноправным. Предпочтение отдавалось православию как государственной религии, по-прежнему проводился курс на христианиза-

цию. В результате активности деятельности Новокрепченской конторы в Поволжье было крещено более 400 тысяч иноверцев, более 10 тысяч из которых составляли татары-мусульмане. Хотя в 1764 году указом Екатерины II миссионерская организация и была закрыта, однако просветительская деятельность продолжалась, в религиозной сфере существовали стеснительные для мусульман ограничения. Данное положение, возможно, понимала и политическая элита России, которая предпринимала робкие шаги для его изменения. Созываемая Уложенная комиссия, кроме прочего, могла стать определенным барометром настроений, распространенных в иноверческой среде. Знание этих настроений – если не предпосылка корректировки курса, то условие его взвешенной оценки.

Напомним, что основные задачи Уложенной комиссии были сформулированы в манифесте Екатерины II от 14 декабря 1766 года. В нем подчеркивалось: «Для того, дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа, прислать из Сената, синода, коллегий, уездов и городов в город Москву депутатов через полгода после обнародования на каждом месте данного манифеста». Депутатам предстояло не только довести до власти эти нужды и недостатки, но подготовить проект «нового Уложения».

Перед началом работы комиссии Екатерина II совершила поездку по Поволжью. Очевидным ее намерением являлось также более близкое знакомство с иноверцами России, желание понять и оценить состояние межконфессиональных отношений. Во время пребывания в Казани императрица посетила Новокрепченскую школу, приняла делегатов от служилых музр и татар города, разрешила строительство двух каменных мечетей в Старотатарской слободе. Свое отношение к исламу и мусульманам Екатерина II выразила в письме Вольтеру после посещения развалин древнего

Булгара. «Нашла я там семь или восемь каменных домов, – писала Екатерина II, – и столько же минарет, весьма прочно построенных. Я приближалась к одной развалине, подле которой стояло человек сорок татар. Тамошний губернатор объявил мне, что на это место сии люди приходят молиться и что находившиеся у меня в виду пришли из дальних мест. Мне захотелось узнать, в чем состоит их богомолие, и для того спросила о том у одного из татар, коего мне вид показался умнее прочих; но он, дав мне знаками разуместь, что российского языка не знает, побежал позвать одного человека, который в нескольких шагах от нас ходил. Как он подошел, то спросила я его: кто он таков, и узнала, что он Иман, который по-русски говорил довольно хорошо. Он мне объявил, что в той развалине обитал некоторый святой жизни человек, и что они из весьма дальних мест пришли для принесения над гробом его молитв. То, что я от него услышала, заставило меня заключить, что их почтение к святым очень близко подходит к нашему».

Императрица хорошо осознавала, насколько сложным является создание новых законов для страны, населенной разными народами, придерживающимися разных религий. Полученные во время поездки впечатления дали новый материал для понимания неоднозначности ситуации. Екатерина II писала: «Эти законы, о которых так много было речей, собственно говоря, еще не сочинены, и кто может отвечать за их доброкачественность? Конечно, не мы, а потомство будет в состоянии решить этот вопрос. Представьте, что они должны служить для Азии и для Европы, и какое различие в климате, людях, обычаях и самих понятиях! Вот я и в Азии; мне хотелось посмотреть ее собственными глазами. В этом городе (Казани. – *И.Ф.*) 20 разных народов, вовсе не похожих друг на друга. И, однако, им надобно шить платье, которое на всех на них одинаково хорошо бы сидело. Можно легко найти общие правила, но подробности? И какие подробности? Это почти все равно, что создать целый мир, соединить части, оградить и проч.»

В положении, разъясняющем порядок выборов депутатов, отмечалось, что от каждого уезда, где имеются дворяне, следует выбирать одного депутата, от

жителей каждого города – по одному депутату; от некочующих иноверцев, независимо от религии, крещены они или нет, от каждого с каждой провинции – также по одному депутату. Такие правила избрания иноверческих депутатов были определены не сразу. В проекте князя А.А. Вяземского предлагалось выбирать от каждого народа и каждой губернии по два депутата; при наличии крещеных один депутат должен был быть крещеным. Порядок выборов некрещеных устанавливала местная администрация. В первой редакции порядка выборов депутатов Екатерина II написала: «Некочующие разные народы – крещеные и некрещеные, от каждого уезда по 1 депутату, порядок назначает местное начальство».

В иноверческих селениях о выборах депутатов сообщали представители мусульманского духовенства. В Темниковском уезде о выборах депутатов объявляли абызы, которые приезжали в волости, собирали там башлыков, ясаулов, читали им манифест «через перевод татарски толковали». Аналогичным образом действовали и православные священники этого уезда, когда созывали новокрещеных для выбора депутатов.

Исследователи в своих работах называют разное количество депутатов. В.Н.Латкин насчитал 564 депутата, из них 28 – правительственных, 161 – дворянских, 208 – городских, 54 – казацких, 79 – крестьянских, 34 – иноверческих. С.Ф.Платонов пишет о 565 депутатах; высшее сословие было представлено князьями А.М.Голицыным, А.П. Мельгуновым, графами П.И.Пашиным, А.И. Шуваловым, А.С. Строгановым, Ф.Г. и Г.Г.Орловыми и другими. Некоторые однофамильцы представляли разные области и конфессии. Так, князь Илья Васильевич Еникеев представлял темниковских дворян, а мурза Аюп Еникеев – мурз и служилых татар Пензенской провинции.

От Казанской губернии в Уложенную комиссию был направлен 61 депутат, в том числе 5 дворян, 16 горожан, 12 иноверцев и 14 новокрещеных. Среди всех депутатов иноверцев было 32 человека, а новокрещеных – 24.

По данным А.В.Флоровского, всего было избрано из разных губерний 20 татар, из них крещеных три. Кроме того, были избраны три башкира, два

мещеряка, один тептяр, один бухарец. Такой подсчет вряд ли можно считать корректным, так как здесь смешаны этнические названия с сословными. Очевидно, можно было бы упростить систему подсчета иноверческих депутатов по этническому признаку, отнеся мещеряков, тептяр, бухарцев к татарам.

Наши собственные подсчеты показали, что депутатами было избрано 28 мусульман, в том числе 24 татарина-мусульманина, два башкира, два бухарца. Среди татарских депутатов был один старокрещен и один новокрещен. Крещеных среди иноверческих депутатов было 15 человек, наибольшее их число представляли чуваша (пять человек).

В состав депутатов мусульманское население делегировало наиболее авторитетных членов своей общины. Среди них было три муллы, пять мурз, два старшины и один старшинский сын, два писаря. Служилых мурз и татар Свяжской провинции представлял мулла Мустафа Юсупов, служилых мещеряков Исетской провинции – мулла Абдулла Тавышев и татар Ичкинских и Багаряцких юртов – мулла Алмугамет Ибрагимов.

По мнению некоторых историков, депутаты из иноверцев были своего рода «этнографической выставкой». Иными словами, утверждалась мысль о показном, внешнем характере их участия в законотворческом процессе. Такую оценку А.В. Флоровский справедливо считал «глубоко несправедливой». Участие в работе Уложенной комиссии иноверцев современники воспринимали положительно, видя в этом знак объединения народов России. Н.М.Карамзин в своем «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» писал: «Воображение мое не может представить ничего величественнее сего дня, когда в древней столице нашей соединились обе гемисферы земли, явились все народы, рассеянные в пространствах России, языков, обычаев и вер различных: потомки славян – победителей норманнов, ... мирные пастыри южной России, лапландские ихтиофаги и звериными кожами одетые камчадалы. Москва казалась тогда столицей вселенной и собрание российских депутатов сеймом мира».

Общее положение о веротерпимости было сформулировано в Большом наказе (494–496): «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредным для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер. И нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православному нашему верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца и отводит их от заматерелого упорства, уступая споры их противные тишине государства и соединению граждан». Вместе с тем веротерпимость также рассматривалась и как условие, содействующее обращению иноверцев в православие.

Духовно-гражданская комиссия составила «Оглавление будущего проекта о духовно-гражданских делах» из 47 пунктов. В нем среди прочих были обозначены разделы о сохранении и подкреплении господствующей в России веры; о лжеверии; о терпении других вер; о распространении господствующей греко-российской веры и о выгодах принимающих последнюю.

Депутатам-иноверцам пришлось столкнуться со многими преградами. Основным препятствием для активного участия в обсуждениях являлось плохое владение подавляющим большинством мусульман русским языком. Был найден оригинальный выход: интересы депутатов могли представлять так называемые опекуны. Статус опекуна, владевшего русским языком, был очень высокий. Он приравнивался к статусу депутата, кроме казенного жалованья.

Продолжение следует.

Ф.Г.Ислаев,
*кандидат исторических наук, зав.
кафедрой истории
и обществоведческих дисциплин
Института повышения
квалификации и переподготовки
работников образования
Республики Татарстан*